

Анатолий Белкин: *Синема - СПб - 1994 - Извг - С. 4*

«Я ЗНАЛ: САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ В ЭРМИТАЖЕ—ЭТО МУМИЯ»

Анатолий Белкин — живописец и график. Считает, что современный художник имеет право расширить арсенал творчества — от традиционных холста и кисти до средств связи (например, телекоммуникаций). Пробует себя в качестве искусствоведа, актера, журналиста, телекомментатора.

КОЛЛЕКЦИЯ ЭРМИТАЖЕЙ

Толя Белкин помнит Эрмитаж с 7 лет, он жил на Галерной улице, совсем недалеко от музея. Впервые туда его привела бабушка.

«Тогда он мне страшно не понравился. Обошлись со мной ужасно: я хотел посмотреть мумию, а мне говорили, что есть более интересные вещи. Показывали какие-то идиотские картины. У меня много лет была мечта увидеть мумию, потому что я знал: самое интересное в Эрмитаже — это мумия».

Когда недавно сам Анатолий Белкин повел своего сына в Эрмитаж, то все время говорил ему: «Посмотри, какие картинки». А Белкин-младший отвечал: «Где мумия?»

Художник считает, что правильно провел юность, и в этом велика заслуга Эрмитажа.

«Было модно ходить в Эрмитаж. В конце 60-х — начале 70-х было очень стильно сказать в крутую друзей, непризнанных художников, что, мол, я вчера был в Эрмитаже. При этом мы каждый день встречались, и если ты каждый день говорил, что вчера был в Эрмитаже, это значило, что ты глубоко изучаешь живопись и вообще человек хорошего тона. Но мы не просто говорили, мы действительно постоянно ходили в Эрмитаж. Я, например, от 19 до 25 лет бывал в Эрмитаже чаще, чем в бане».

Мы направились по Романовской

галерее вдоль Висячего сада и напоролись на антуринный контроль — сепаратная выставка. Манила раскрытая в сад дверь, но все пути были закрыты, кроме обратного — по экспозиции средневекового прикладного искусства.

«У меня бывают разные состояния: иногда эти вещи действуют на меня физически, а иногда вообще не действуют».

При всей любви к старинной майолике Белкин в этот раз спокойно миновал испанскую красавицу — вазу «Фортуны», и мы направились к живописи, в Новый Эрмитаж.

«Для меня важным показателем — мой музей или не мой, является одно: устают ли у меня ноги в этом музее? Ну а если устают, значит, мне в этом музее часто бывать не надо».

По Эрмитажу Белкиным пройдены многие и многие километры.

Отдел западноевропейского искусства существует в Эрмитаже с момента основания музея, в его коллекциях около 630 тысяч экспонатов — произведений живописи, график, рисунков, прикладного искусства.

«В Эрмитаже всегда — отзвук мира: разные голоса, разные глаза, разные лица. И вот когда мы все сидели в этой тухлой настилке с накрытой крышкой — это было очень важно. Для меня вообще важно ощущение ветра, все время нужен ветер искусства, разноразличный компот».

Широк круг художественных привязанностей Белкина, он всегда терпится, когда надо заполнять графу: какие художники оказали на вас максимальное влияние.

«Для меня нет большой разницы между Эль Греко и Паулем Клее или Питером де Кохом и Джаспером Джонсом. Время и материал в данном случае интересуют экспертов, для меня они — художники, настоящие художники. Вот, скажем, мраморная машина, ныне стоящая у Мраморного дворца, и «Автопортрет» Ван Дейка — это как гений и злодейство, ну просто две вещи несовместимые. Но все же давайте

посмотрим — машину ставил замечательный художник Х. Шульц. Как она вписана в контекст дворца, как точно она стоит! Я знаю, сколько времени у него ушло на то, чтобы сделать постамент, чтобы колеса чуть-чуть выступали...

Есть художники, которые работают с муштабелем и кистью, есть художники, которые работают со стеклом, есть художники, которые работают с мрамором, есть художники, которые работают с пространством, есть художники, которые работают с машинами, есть художники, которые работают с помойкой. — все имеет право быть. Определяет все одно — мера таланта».

И вдруг Анатолий Белкин встретился — он увидел то, что смогло «зацепить» его сегодня. Это была неожиданность. Живописи в простотах Нового Эрмитажа сейчас нет из-за реконструкции. Но если из переехавшего «Рыцарского зала» направиться к Рафаэлю, то справа на стене можно увидеть одинокое полотно без этикетки. Единственная в собрании музея картина, исполненная самим Караваджо, — «Лютнист».

«Класс! Это мы пришли к Караваджо. Эта вещь, мощная даже для Эрмитажа. Если б ее отправлял куда-нибудь Метрополитен Музей, то страховка составила бы 50 миллионов долларов. А она нормально висит в углу. Потрясающе! Это мощно, концептуально. Гениально повешено».

В Эрмитаже нет специального раздела новейшего искусства, но невольно вызывает постмодернистские ассоциации Караваджо на вогнутой стенке с расписными медальонами у дверей, под которым — столик с остатками правящей кости XVII века. А рядом самодовольно красуется американский агрегат — очиститель воздуха...

Алина ТУЛЯКОВА

Фото Александра НИКОЛАЕВА

